

Р.Е. Романов*

**ПОВОРОТ К ПРИНУЖДЕНИЮ В СССР
26 ИЮНЯ 1940 ГОДА: ПРОЧТЕНИЕ
НА СТЫКЕ ГЛОБАЛЬНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ****doi:10.31518/2618-9100-2024-4-7
УДК 94:338(47+57)"1940"

Выходные данные для цитирования:
Романов Р.Е. Поворот к принуждению в СССР 26 июня 1940 года: прочтение на стыке глобальной и национальной истории // Исторический курьер. 2024. № 4 (36). С. 84–101. URL: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-07.pdf>

R.E. Romanov*

**THE TURN TO COERCION IN THE USSR
ON JUNE 26, 1940: READING AT THE JUNCTION
OF GLOBAL AND NATIONAL HISTORY****

doi:10.31518/2618-9100-2024-4-7

How to cite:
Romanov R.E. The Turn to Coercion in the USSR on June 26, 1940: Reading at the Junction of Global and National History // Historical Courier, 2024, No. 4 (36), pp. 84–101. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2024/ISTKURIER-2024-4-07.pdf>]

Abstract. The article is devoted to proving the research hypothesis that the decree of June 26, 1940, before the outbreak of the Great Patriotic War, was a criminal law mechanism for forcing employees to indefinitely fulfill employment contracts in the Soviet industry, typologically close to the “similar” British experience of the 19th century. This task is solved on the basis of an interdisciplinary synthesis of concepts of global and national labor history. In line with the stated methodology, the processes of formation and development of the phenomenon of legal criminalization of unauthorized departure of workers from enterprises in the leading countries of Western Europe, their overseas colonies and Russia in the Modern era are analyzed. It is revealed that at that time in the world and domestic industry there was a class hierarchical order of masters and servants, based on the legislative right of manufacturers to prosecute hired proletarians for non-fulfillment of fixed-term contracts. In recent times, it has been replaced by a new hierarchy of industrial managers and employees, which functioned mainly through a system of disciplinary penalties. It is shown that, unlike the West, the Soviet state relied not only on administrative, but also judicial and repressive practices of disciplining the working class. In the 1920s–1930s, the most stringent forms of social control over production workers operated according to ideological criteria within the framework of correctional labor and criminal law. It is established that on June 26, 1940, under the influence of the internal crisis and the Second World War in the USSR, there was a return to the rational and legal foundation of state violence. On the one hand, the transfer of criminal law norms to pre-war labor legislation was a revival of the already well-forgotten tradition of criminalizing the unauthorized departure of personnel from factories, which, according to formal signs, according to the typology similar to the Anglo-Saxon “analogues” of the second and third quarters of the 19th century. On the other hand, the Soviet specifics of the reminiscence of coercion to fulfill civil employment contracts consisted in the presence of permanent attachment of workers and employees to enterprises. In addition, the country’s top leadership has followed the path of historically atypical expansion of the scope of judicial repression, which also applies to truants and those who are late for work. As a result, the enforcement of the decree of June 26, 1940 in the last pre-war year (until June 1941) acquired an absolutely unprecedented scale from the point of view of world history. It is concluded that the specified criminal law mechanism for

* **Роман Евгенийевич Романов**, кандидат исторических наук, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Россия, e-mail: romanov1981@mail.ru

Roman Evgenievich Romanov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia, e-mail: romanov1981@mail.ru

** Работа выполнена по теме госзадания «Социально-экономический потенциал восточных регионов России в XX – начале XXI вв.: стратегии и практики управления, динамика, геополитический контекст» (FWZM-2024-0005).

The work was carried out on the topic of the state task “Socio-Economic Potential of the Eastern Regions of Russia in the 20th – Early 21st Centuries: Management Strategies and Practices, Dynamics, Geopolitical Context” (FWZM-2024-0005).

stimulating employment was a social atavism, which under the conditions of Stalin's early industrial modernization experienced a rebirth and acquired explosive dynamics. In general, based on the above facts, the stated research hypothesis can be considered objectively proven.

Keywords: global history, Stalinist USSR, workers and employees, decree of June 26, 1940, legal criminalization, absenteeism, unauthorized retirement from production.

The article has been received by the editor on 01.05.2024. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена доказательству исследовательской гипотезы о том, что указ от 26 июня 1940 г. являлся уголовно-правовым механизмом принуждения работников к исполнению трудовых договоров, типологически близким к «аналогичному» британскому опыту XIX в. Решение этой задачи осуществляется на основе междисциплинарного синтеза концептов глобальной и национальной истории труда. Проанализированы процессы становления и развития феномена правовой криминализации самовольного ухода рабочих с предприятий в ведущих странах Западной Европы, их заморских колониях и России в эпоху Нового времени. Выявлено, что в это время в мировой и отечественной промышленности функционировал сословный иерархический порядок хозяев и слуг, базировавшийся на законодательном праве фабрикантов в судебном порядке преследовать наемных пролетариев за невыполнение срочных контрактов. В период Новейшего времени ему на смену пришла новая иерархия индустриальных менеджеров и работников, функционировавшая в основном за счет системы дисциплинарных взысканий. Показано, что, в отличие от Запада, советское государство опиралось не только на административные, но и судебно-репрессивные практики дисциплинирования рабочего класса. В 1920–1930-е гг. наиболее жесткие формы социального контроля над производственниками действовали по идеологическим критериям в рамках исправительно-трудового и уголовного права. Установлено, что 26 июня 1940 г. под влиянием внутреннего кризиса и Второй мировой войны в СССР произошел возврат к рационально-юридическому фундаменту государственного насилия. С одной стороны, перенос уголовно-правовых норм в предвоенное законодательство о труде выступал возрождением уже хорошо забытой традиции криминализации самовольного ухода персонала с заводов и фабрик, по типологии схожей с англосаксонскими «аналогами» второй-третьей четверти XIX в. С другой стороны, советская специфика реминисценции принуждения к выполнению гражданских договоров о найме заключалась в постоянном прикреплении рабочих и служащих к предприятиям. Кроме того, высшее руководство страны пошло по пути исторически ранее нетипичного расширения сферы судебных репрессий, распространенных также на прогульщиков и опоздавших на работу. В результате правоприменение указа от 26 июня 1940 г. в последний предвоенный год приобрело абсолютно беспрецедентные масштабы. Сделан вывод о том, что уголовно-правовой механизм стимулирования занятости являлся социальным атавизмом, который в условиях сталинской раннеиндустриальной модернизации пережил второе рождение и приобрел взрывную динамику.

Ключевые слова: глобальная история, сталинский СССР, рабочие и служащие, указ от 26 июня 1940 г., правовая криминализация, прогулы, самовольный уход с производства.

Статья поступила в редакцию 01.05.2024 г.

Вводные положения. Накануне Великой Отечественной войны в СССР произошло одно из знаковых событий, кардинально изменившее жизни и судьбы миллионов советских граждан. 26 июня 1940 г. высшими органами власти был принят законодательный акт, напрямую распространивший уголовно-правовые нормы на сферу социально-трудовых отношений в индустриальной экономике. Данная мера нацеливалась на прикрепление рабочих и служащих к предприятиям и учреждениям для ужесточения служебной дисциплины, снижения текучести кадров и повышения производительности труда. Реализация этих задач привела к проведению крупномасштабных репрессивных кампаний против работников, совершивших прогулы и самовольные уходы. В целом рассматриваемые процессы правомерно оценивать в категориях поворота к внеэкономическому принуждению, т.е. исторически первичному способу стимулирования занятости с помощью угрозы наказания. В то же время в условиях непрерывного развития исторической науки в России и за рубежом вопрос о сущности изучаемого феномена остается открытым.

За последнюю треть века историографическая ситуация вокруг заявленной тематики существенно изменилась. До конца 1980-х гг. в связи с идеологическим табу на анализ предвоенного трудового законодательства советские историки мимоходом упоминали о борьбе государства со стихийной мобильностью кадров на производстве¹. В конце 1980 – конце 1990-х гг. в отечественной исторической науке началось системное изучение чрезвычайных законов о труде. Указ от 26 июня 1940 г. характеризовался как попытка подмены экономических стимулов неэффективным административным нажимом на заводской персонал. Репрессии против рабочих и служащих объяснялись «террористическими» крайностями сталинизма, выступавшими одним из проявлений контрмодернизации по аналогии с крепостным и каторжным трудом эпохи Петра I². Эти выводы и оценки соответствовали либеральным концепциям тоталитаризма, доминировавшим в постсоветской историографии.

В первой четверти XXI в. изучение рассматриваемого явления получило мощный импульс в рамках научных парадигм, преимущественно не связанных с политизированным мейнстримом. В целом современная российская историография представлена четырьмя объяснительными моделями данного явления, объединенными рамками сталинского или межвоенного периода советской истории. Последователи концепции Ч. и К. Тилли трактовали указ от 26 июня 1940 г. в русле поворота к принуждению, сочетавшегося с вознаграждением и побуждением работников. Ужесточение карательных санкций за дисциплинарные проступки объяснялось прагматичной реакцией государства на внутренние и внешние проблемы страны³. По мнению историков-менталистов, отмечавших факты психологической манипуляции обществом при принятии нового законодательства, принудительные методы являлись частью многовариативной системы стимулирования⁴. Историки-тоталитаристы считали закон о труде сегментом государственной карательной машины, перенесшей центр тяжести репрессий с органов НКВД в сферу гражданского правосудия⁵. Сторонники историко-правового подхода оценивали указ от 26 июня 1940 г. как юридическую новацию, направленную на криминализацию трудовых преступлений⁶.

Схожее положение сложилось в зарубежных исследованиях, посвященных искомой исторической тематике. В контексте политэкономии сталинизма предвоенные законодательные инициативы в сфере трудовой дисциплины интерпретировались стремлением

¹ Кожурин В.С. Ведущая роль рабочего класса в укреплении трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны // Развитие революционных и трудовых традиций рабочего класса СССР. М., 1985. С. 74–96.

² Хлевнюк О.В. Указ от 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9; Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т. 1.

³ Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М., 2004.

⁴ Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Новосибирск, 2008.

⁵ Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М., 2012.

⁶ Белоногов Ю.Г. Государство versus плохой труд: укрепление трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики, 1928–1941 гг. (историко-правовой анализ): монография. Пермь, 2023.

диктатора к установлению силового контроля над рабочим классом⁷. Историки-правоведы отождествляли данный феномен с пенализацией труда, т.е. определением характера наказуемости служебных правонарушений и назначением судебного наказания за их совершение. Этот процесс объяснялся тремя группами причин: дефицитом и снижением реальной зарплаты, большим террором, Второй мировой войной⁸. В итоге общий историографический консенсус за рубежом и в России заключается в признании указа от 26 июня 1940 г. эндогенным фактором развития сталинского социализма или «долгого» российского государства (с XVIII в.). Но даже беглый взгляд на мировой исторический опыт позволяет обнаружить факты более раннего по времени внедрения уголовно-правовых норм в трудовое законодательство других стран. Это обстоятельство дает основание поставить вопрос об экзогенном характере исследуемого процесса, получившего специфическое преломление в советском обществе первой половины XX в.

Методологической базой данного исследования является междисциплинарный синтез концептов национальной и глобальной истории труда. Немецкий историк С. Конрад выделял три разновидности исторической глобалистики: общепланетарная история, история связей между странами, история регулярных межстрановых обменов⁹. В частности, обращение к трудовой проблематике предполагает ее изучение в разных частях мира в прошлом и настоящем¹⁰. Применительно к изучаемой теме ключевой вопрос заключается в том, позволяет ли глобальная оптика осмыслить глубинную природу правовой криминализации прогулов и самовольных уходов с предприятий СССР, локализованной в границах страны накануне Великой Отечественной войны. Указанный процесс характеризуется переквалификацией этих дисциплинарных проступков из административных правонарушений в уголовные преступления в русле предвоенного закона о труде.

Ответ на поставленный вопрос лежит в плоскости типологического анализа глобального феномена внеэкономического принуждения к занятости. Всемирная история свидетельствует о существовании нескольких типов данного явления: рабство, крепостничество, каторга, исправительно-трудовые учреждения и лагеря, трудовая повинность и мобилизация. Особое место среди них занимает принудительная занятость заводского персонала в рамках договора о найме. В последнем случае рабочие оставались лично свободными гражданскими наемниками, но законодательно лишены права на переход от одного к другому работодателю. Законодатель трактовал нарушение указанной юридической нормы в категориях противозаконного и уголовно преследуемого расторжения контракта. Суды назначали самовольно ушедшим труженикам различные меры наказания, исключавшие насильственный возврат на прежнее место работы и пребывания. По этому критерию правовое положение наемной рабочей силы принципиально отличалось от статуса рабов, крепостных, заключенных, спецпоселенцев и т.п. В Новое время отмеченная выше социально-трудовая ситуация была характерна для ведущих стран Западной Европы и их заморских колоний, в Новейшее время – СССР накануне Великой Отечественной войны. Ее наличие дает основание для сравнительного анализа типологически схожего британского (в том числе канадского) и советского опыта соответственно второй-третьей четверти XIX в. и рубежа 30–40-х гг. XX в.

В данном контексте исследовательская гипотеза состоит в том, что указ от 26 июня 1940 г. являлся уголовно-правовым механизмом принуждения работников к бессрочному исполнению трудовых договоров в индустрии СССР¹¹, по некоторым позициям приближающегося к «аналогам» викторианской Великобритании. Его возникновению предшествовала длительная проекция на российское общество разновременных фаз модерна, маркиро-

⁷ Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

⁸ Краг М. Советские законы о труде в период Второй мировой войны (на примере предприятий военной промышленности) // Советский тыл 1941–1945 гг.: повседневная жизнь в годы войны. М., 2019.

⁹ Конрад С. Что такое глобальная история? М., 2018.

¹⁰ Van der Linden M. Workers of the World: Essays toward a Global Labor History. Leiden, 2010.

¹¹ В период Великой Отечественной войны указ от 26 июня 1940 г. стал неотъемлемым компонентом мобилизационного трудового законодательства. Его возвращение к гражданскому статус-кво окончательно завершилось в конце 1940-х гг. после отмены указа.

вавшихся преобладанием репрессивных или административных форм контроля над заводскими коллективами со стороны верховной власти и работодателей. Первая тенденция выступала проявлением архаичных рудиментов в формирующемся современном обществе, вторая – современных новообразований.

Исторические истоки: проекция разновременных фаз модерна на российскую действительность. Эволюция системы принуждения рабочих к занятости на Западе: от Средневековья к Новейшему времени. По мнению современных исследователей, начало переходных эпох сопровождается возрастанием уровня насилия как исторически первичной стратегии социального регулирования¹². Поэтому закономерно то, что западноевропейские страны позднего Средневековья стали отправной точкой в глобальной истории криминализации безработицы и самовольных уходов с места работы. Пандемия чумы 1347–1348 гг. вызвала в макрорегионе шоковый кризис рынка рабочей силы и юридическое ужесточение сословно-иерархических отношений хозяев и слуг¹³. В середине XIV в. в Англии и Франции были изданы законы о всеобщей занятости и строгом исполнении договоров о найме. Способные к труду безработные и наемные работники, досрочно разорвавшие контракт с работодателем, приравнивались к уголовным преступникам и подлежали судебному преследованию¹⁴. С этого момента угроза репрессивного наказания рассматривалась государствами Западной Европы как инструмент трудового воспитания широких масс населения.

В конце XV–XVIII в. Великие географические открытия и «революция цен», реформация, исчезновение крепостного права и зарождение капитализма способствовали медленному распаду традиционного общества. Кризисные тенденции привели к снижению реальной зарплаты мануфактурных рабочих, массовой пауперизации крестьянства. В это время в Англии, Франции и Нидерландах власти принимали «кровавые» законы о судебном преследовании работоспособных бродяг и нищих, слуг, ушедших от хозяев без письменного разрешения. Уголовные санкции за безработицу и трудовые преступления варьировались от штрафов и бичевания до заключения в тюрьму, ссылки на каторгу или галеры. При повторных рецидивах законодатели предписывали карать маргиналов увечьями или казнями¹⁵. По сведениям английских хронистов во времена Генриха VIII суды ежегодно вешали 300–400 бродячих пауперов¹⁶. Однако суровые репрессии применялись только к опасным преступникам. Безобидных собирателей милостыни мировые судьи, независимые от короля и парламента, отправляли в работные дома или оставляли без внимания¹⁷. На мануфактурах существовали практики телесных наказаний в домашнем порядке. На фоне ослабления материальных стимулов они позволяли сформировать у доиндустриальных пролетариев репрессивную мотивацию к занятости на производстве. В основе упомянутой социально-психологической установки главным образом лежал страх перед физическими санкциями. Данное явление обеспечило закрепление сословной иерархии хозяев и слуг в модернизирующихся обществах Западного раннего Нового времени.

¹² Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М., 2011. С. 23–26.

¹³ Фадж Д., Такер Э., Воско Д. Правовая концепция занятости: маргинализация работников (2002) [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20060101224431/http://www.lcc.gc.ca/research_project/02_concept_1-en.asp (дата обращения: 01.02.2022).

¹⁴ Ордонанс Эдуарда III о рабочих и слугах 1349 г. // Хронос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/1349rab.html> (дата обращения: 01.02.2022); Статут Эдуарда III о рабочих 1351 г. // Хронос. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/1349rab.html> (дата обращения: 01.02.2022); Ордонанс Иоанна Доброго о принудительном труде наемных рабочих и максимуме заработной плате 1351 г. // Дюби Ж. Европа в средние века. Смоленск, 1994. С. 224–226.

¹⁵ Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб., 2005. С. 142–143; Галай Ю.Г. Законодательство о прекращении нищенства и бродяжничества в России XVII–XVIII веках // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 44.

¹⁶ Митрофанов. В.П. Преступления в тюдоровской Англии (по данным современника) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 10.

¹⁷ Современные историки считают сведения о массовых казнях пауперов в тюдоровской Англии историческим мифом, опровергнутым историко-правовыми исследованиями на основе судебных архивов Великобритании.

В начале XIX в. в связи с промышленным переворотом в Великобритании архаичная дисциплина страха вступила в противоречие с необходимостью создания индустриального рабочего класса. В этот период английский парламент отменил «кровавое» законодательство эпохи Тюдоров. На смену ему пришел закон о господах и слугах 1823 г., унаследовавший уголовно-правовые трактовки нарушений срочного договора о найме от тудоровских статутов. Самовольный уход с фабрики наказывался лишением свободы и/или штрафом. В 1840–1850-е гг. в условиях политики низких зарплат система принудительного исполнения трудовых контрактов получила распространение в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африке¹⁸. На практике только в Великобритании с 1858 по 1875 г. суды ежегодно разбирали не менее 10 тыс. хозяйских исков против трудящихся. Около 70 % судебных дел касались побегов пролетариев с предприятий. За 17 лет доля правонарушителей, осужденных к тюремному заключению или порке, сократилась с 17 до 4–5 %¹⁹. Удельный вес оштрафованных работников вырос с 17 до 29 %. Примерно две трети подсудного контингента получили наиболее мягкие взыскания или предписания о выполнении конкретных действий²⁰. Можно предположить, что в большинстве случаев судьи ограничивались порицанием труженика и требованием вернуться к прежнему хозяину. С принятием акта о работодателях и рабочих 1875 г. положение субъектов трудовых отношений в британской индустрии постепенно эволюционировало от сословной иерархии к равенству перед законом²¹. К началу XX в. отступления от договоров о найме стали квалифицироваться как административные правонарушения. Судебные наказания заменялись дисциплинарными санкциями, культивировавшими в сформировавшемся классе наемных работников чувство служебной ответственности. Данный процесс обуславливался переходом западной цивилизации от примата репрессивной культуры к культуре поощрения, завершившимся декриминализацией безработицы и девиантного поведения на производстве. Новые тенденции были связаны с завершением эпохи становления индустриального общества в западноевропейских странах и США накануне Первой мировой войны.

Эволюция системы принуждения рабочих к занятости в России: от имперского к раннесоветскому периоду. Начальным рубежом в российской истории уголовного преследования незанятых маргиналов и беглых заводских работников являлось время петровских реформ. Мобилизационное развитие промышленности в условиях нарастающей геополитической конкуренции с Западом требовало привлечения на казенные и частные предприятия не только крепостных, но и «гулящих людей». В конце XVII – первой четверти XVIII в. в России вводятся законы о запрете бродяжничества и нищенствования, предполагавшие для скитальцев битье батогами и возвращение к хозяевам. При повторных рецидивах практиковалась порка кнутом с последующей ссылкой на каторгу или мануфактуры²². Преемники Петра I продолжили политику по борьбе с безработицей и стихийной мобильностью трудовых ресурсов. Указом Анны Иоанновны от 7 января 1736 г. квалифицированные мастера навсегда прикреплялись к предприятиям. Их дети обязались обучаться отцовскому ремеслу на том же заводе. Сбежавшие подмастерья после телесного наказания отправлялись на прежнее место работы. Рецидивисты подвергались ссылке в дальние города или на Камчатку²³. В отличие от Западной Европы, в Российской империи свободные рабочие в итоге были превращены в закрепощенное сословие, приписанное к мануфактурным заведениям.

¹⁸ Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // American Economic Review. Vol. 103, No. 1. P. 45.

¹⁹ С учетом пролетариев, приговоренных к тюрьме за невыплату штрафа, эти показатели могли быть заметно выше.

²⁰ Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement... P. 48–49.

²¹ Фадж Д., Такер Э., Воско Д. Правовая концепция занятости...

²² Галай Ю.Г. Законодательство о прекращении нищенства и бродяжничества в России XVII–XVIII вв. // Марийский юридический вестник. 2011. № 8.

²³ Указ от 7 января 1736 г. «О прикреплении рабочих к фабрикам и заводам и даровании фабрикантам права ссылать рабочих в дальние города и на Камчатку» // Хронос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hrono.info/dokum/1700dok/1736rab.php> (дата обращения: 11.04.2024).

В дальнейшем вызревание капитализма в недрах крепостнической системы привело к снижению доли подневольного труда с опорой на репрессивную мотивацию. В 1812–1825 гг. на отечественных фабриках этот показатель сократился с 49 до 46 %²⁴. В 30–50-е гг. XIX в. данная тенденция усилилась в условиях промышленного переворота, вызвавшего изменения в трудовом законодательстве. По положению об отношениях между хозяевами и рабочими 1835 г. наемному персоналу запрещалось покидать завод до истечения договора без согласия работодателя. За трудоустройство мастера, ушедшего с предыдущего места работы без получения паспорта, фабрикант обязался компенсировать убытки его прежнему господину²⁵. Примечательно, что закон не предусматривал какие-либо санкции для нарушителей трудовой дисциплины. Государство оставляло решение этого вопроса в сфере хозяйской или начальствующей юстиции, поскольку многие вольнонаемные слуги параллельно оставались чьими-то крепостными или подчиненными. Согласно уложению 1845 г., власть широко варьировала уголовные и исправительные наказания: от выговоров и штрафов до бичевания, лишения свободы, принудительного труда и казни²⁶. В случае с бежавшими заводскими работниками мера репрессии или взыскания зависела прежде всего от их сословного статуса.

Великие реформы 60–70-х гг. XIX в. не изменили суть сословно-иерархических взаимоотношений между предпринимателями и трудящимися в российской промышленности. В фабричном законе 1886 г. отказ от выполнения работы до истечения срока найма или попытки изменить условия контракта путем проведения стачки трактовались в качестве уголовных преступлений. Виновники самовольных уходов с фабрик подлежали аресту до одного месяца²⁷, активисты забастовочного движения – тюремному заключению от двух месяцев до года и четырех месяцев²⁸. В реальности сфера применения судебных санкций ограничивалась борьбой со стачками и беспорядками, заканчивавшимися осуждением их зачинщиков к тюрьме или каторге. Иногда полиция или войска открывали огонь по участникам протестных акций. Нередко после забастовок фабрикант увольнял весь заводской коллектив с его повторным трудоустройством, в ходе которого происходил отсев деструктивных элементов. В то же время работодатели, как правило, не реагировали на стихийные миграции рабочих из города в деревню. В данном случае они подавали материальные иски в фабричную инспекцию на 2–3 % нарушителей правил найма²⁹. Преобладание в системе взысканий на предприятиях штрафных санкций и декриминализация стихийной мобильности рабочей силы на практике свидетельствовали о фактическом распаде сословного режима хозяев и слуг. Эти тенденции привели к резкому ослаблению репрессивной мотивации раннеиндустриальных пролетариев. Минимизация страха перед потенциальным давлением со стороны власти стала одной из значимых предпосылок революционного взрыва.

Февральская революция 1917 г. завершила слом старого социального порядка за счет полного уравнивания в правах капитала и труда. Затем последовали Октябрьский переворот и введение рабочего контроля большевиками. Казалось, что радикальные эксперименты новой власти поставят финальную точку в длительной истории принудительной эксплуатации трудящихся. Но не прошло и года с момента поднятия красного флага над Зимним дворцом, как едва родившееся «пролетарское» государство заговорило о возрождении иерар-

²⁴ Арсентьев В.М. Принудительный труд в промышленности Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Экономическая история. 2021. Т. 17, № 1. С. 14.

²⁵ Положение об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающие на оные по найму 24 мая 1835 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-ob-otnosheniyah-mezhdu-hozyaevami-fabrichnyh-zavedeniy-i-rabochimi-lyudmi-postupayuschimi-na-onye-po-naymu/viewer> (дата обращения: 11.04.2024).

²⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с приведением других томов свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении. М., 1867. С. 5–8, 18.

²⁷ По законам Российской империи арест считался уголовным наказанием.

²⁸ Фабричный закон 1886 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/33970> (дата обращения: 01.02.2022).

²⁹ Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 261.

хического принципа управления в форме диктатуры советских руководителей³⁰. В годы Гражданской войны наметились контуры идеократической иерархии большевистских «менеджеров»³¹ и работников. Первоначально новые управленцы пытались избежать повторения буржуазного опыта перенесения уголовно-правовых норм в трудовое законодательство. По Кодексу законов о труде (КЗоТ) РСФСР от 10 декабря 1918 г. сознательная безработица или отказ от порученной работы считались административными правонарушениями. За уклонение от обязательной занятости следовали штрафы или кратковременные аресты³², за самовольные уходы с заводов – снятие с учета, гарантировавшего трудоустройство³³. Поворот к юридической криминализации служебных девиаций на производстве произошел только на пике «военного коммунизма» в условиях деградации материальных стимулов и кризиса мотивации занятости. В конце 1919 – середине 1920 г. СНК РСФСР ввел в действие декреты о товарищеских судах, всеобщей трудовой повинности, комиссиях по борьбе с труддезертирством. Уклонисты от призыва на хозяйственный фронт карались не только арестом, но и отдачей в штрафные трудчасти или под ревтрибунал, неоднократные прогульщики – принудительными работами, дезертиры – заключением в концлагерь³⁴. В отличие от первого российского КЗоТа, эти законы имели ярко выраженную репрессивную направленность, обусловленную экстремальной обстановкой Гражданской войны.

Показательным примером правоприменения чрезвычайных декретов большевиков являются данные о деятельности товарищеских судов предприятий Москвы за 1920 г. Чаще всего ими рассматривались дела об опозданиях и прогулах (55,0 %), реже – воровстве (15,3), техническом браке (9,1), хулиганстве (7,6), служебной халатности (4,7), дезертирстве (2,3), коррупции (0,5 %). Приговоры к отработке прогулов в сверхурочное время получили 26,1 % правонарушителей, порицанию – 21,0, принудительным работам – 13,9, штрафам – 5,5, отправке в концлагерь – 1,8 %. Остальной контингент (31,7 %) был освобожден от наказания или передан в высшие судебные органы³⁵. С учетом последнего факта удельный вес репрессантов превышал зафиксированный показатель (15,7 %), так как основная масса труддезертиров и других опасных правонарушителей оказалась в сфере трибунального правосудия. В итоге реальные масштабы и уровень криминализации трудовых преступлений в Советской России значительно превосходили даже самые близкие к представленной статистической картине британские «аналоги» третьей четверти XIX в. При этом не следует забывать о том, что именно британцы впервые изобрели концентрационные лагеря как метод устрашения своего противника по англо-бурской войне.

Провал военно-коммунистической политики весной 1921 г. продемонстрировал неспособность большевистской власти сформировать в сознании рабочих репрессивную мотивацию к соблюдению заводской дисциплины. Поворот к нэпу сопровождался принятием нового законодательства о труде, способствовавшим правовой декриминализации безработицы и отступлений от договора о найме. По КЗоТу РСФСР от 9 ноября 1922 г. последние квалифицировались как административные проступки, за которые налагались взыскания

³⁰ Предписание ВЦИК от 4 мая 1918 г. Всем губернским, уездным, волостным совдепам // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М., 1967. Т. 1. С. 54.

³¹ Революция менеджеров в РСФСР и СССР приняла форму прямой конвертации управленческого влияния в собственность и власть (см.: Тульчинский Г.Л. Революция менеджеров по-советски // Публичная политика-2013. СПб., 2014. С. 149).

³² По законам РСФСР арест считался административным взысканием.

³³ Кодекс законов о труде от 10 декабря 1918 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_416.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁴ Декрет СНК РСФСР от 14 ноября 1919 г. «О рабочих дисциплинарных товарищеских судах (положение)» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_489.htm (дата обращения: 01.02.2022); Декрет СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_518.htm (дата обращения: 01.02.2022); Постановление Главного Комитета по всеобщей трудовой повинности от 2 июня 1920 г. «О деятельности дезертиркомиссий по борьбе с труддезертирством» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_673.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁵ Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М., 2006. С. 37.

от выговора до увольнения³⁶. На заводах и фабриках дисциплинарные санкции распространялись на бракоделов и нарушителей внутреннего распорядка. Злостные дезорганизаторы производства попадали под действие норм Исправительно-трудового кодекса (ИТК) РСФСР от 16 октября 1924 г.³⁷ Они приговаривались народными судами к принудительным работам без лишения свободы, штрафам или условному наказанию. В 1923–1928 гг. в Советской России за нарушение трудовых законов в рамках ИТК ежегодно осуждалось от 9,67 до 22,5 тыс. чел.³⁸ Мягкие уголовные репрессии не позволяли государству в годы нэпа эффективно противодействовать девиантному поведению массы работников, вливавшейся в промышленность из деревни в условиях возрождения материальных стимулов.

В 1930-е гг. на фоне ускоренной индустриализации, снижения роли денежных стимуляторов и кризисов мотивации занятости, маргинализации рабочего класса служебные правонарушения на предприятиях СССР оказались в сфере действия дисциплинарного, исправительно-трудового и уголовного права. В перечень административных взысканий, находившихся в компетенции товарищеских судов и заводских дирекций, входили замечание, выговор, понижение в должности и увольнение³⁹. Наиболее строгими наказаниями являлись полугодовой запрет на трудоустройство за самовольный уход с производства⁴⁰ и увольнение за прогул с лишением служебной жилплощади и продуктовых карточек (до 1935 г.)⁴¹. В сфере функционирования ИТК от 1 августа 1933 г. районные судебные органы практиковали принудительные работы по месту занятости или в колонии и штрафы до 25 % от зарплаты⁴². Эти меры касались преимущественно мелких хулиганов и воров, халатных работников, часть из которых вопреки закону оставалась в ведении товарищеских судов. В рамках Уголовного кодекса РСФСР от 5 марта 1926 г. институты гражданской юстиции и трибуналы ОГПУ–НКВД применяли заключение в лагеря ГУЛАГа (с 1930 г.) на срок от трех до десяти лет и расстрел с конфискацией имущества⁴³. Жестокие репрессии обрушивались на опасных, с точки зрения советской фемиды, уголовных, экономических и политических преступников. Обычным нарушителям трудовых договоров грозила потеря работы, жилья и рабочего снабжения, в худшем случае – исправительные работы без лишения свободы.

Сбалансированный анализ правоприменительных практик в отечественной промышленности 1930-х гг. затруднен отсутствием данных по применению дисциплинарных законов, а также наличием несопоставимой уголовно-правовой и исправительно-трудовой статистики. В 1928–1937 гг. число рабочих и служащих, оказавшихся под следствием органов госбезопасности СССР, выросло с 46,5 до 180,7 тыс. чел.⁴⁴ Среди приговоров трибунального правосудия нередко фигурировали ссылки и высылки, ГУЛАГ и расстрел. В этот же период только

³⁶ Кодекс законов о труде от 9 ноября 1922 г. // Библиотека нормативно-правовых актов [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1431.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁷ Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 16 октября 1924 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2201.htm (дата обращения: 01.02.2022).

³⁸ Подсчитано по: Справка Министерства юстиции СССР о численности осужденных в период с 1937 по первое полугодие 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/59788/garf_r-7523.89.4408_sudimost_1937-1955.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

³⁹ Постановление ВЦИК и СНК СССР от 13 октября 1929 г. «Об основах дисциплинарного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3610.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴⁰ Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М., 2012. С. 131.

⁴¹ Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г. «Об увольнении за прогул без уважительных причин» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3838.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴² Исправительно-трудовой кодекс РСФСР от 1 августа 1933 г. // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3915.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴³ Уголовный кодекс РСФСР в редакции от 5 марта 1926 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 01.02.2022).

⁴⁴ Мазохин О.Б. Статистика репрессивной деятельности органов безопасности СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://istmat.org/node/255> (дата обращения: 01.02.2022).

в городах и селах РСФСР народные суды ежегодно выносили от 771,5 до 1430,6 тыс. приговоров. В частности, количество осужденных за нарушения законов о труде снизилось с 37,8 тыс. в 1929 г. до 4,1 тыс. в 1934 г. Абсолютное большинство всех решений народных судей (от 58,8 до 80,9 %) до начала Большого террора составляли принудительные работы, штрафы и условные наказания⁴⁵. Очевидно, что с учетом дисциплинарных взысканий товарищеских судов, предполагавших в основном выговоры и вычеты из зарплаты, более половины наказанных работников индустрии получили административные и мягкие судебные наказания. В 1937–1938 гг. положение изменилось в сторону расширения сферы карательных мер против саботажников и вредителей (69,5 и 60,2 % приговоров всех судов по СССР⁴⁶). Этот период отличался максимальным возрастанием на производстве масштабов и уровня криминализации служебных преступлений по идеологическим критериям. Данный процесс усилил репрессивные мотивационные установки в рабочей среде, в которой с начала 1930-х гг. развивался тренд на укрепление дисциплины труда. После завершения кампании по борьбе с врагами народа власти попытались сделать ставку на методы административного контроля над заводским персоналом⁴⁷. Но очередной кризис мотивации занятости и начало Второй мировой войны вынудили советское государство вернуться на путь суровых репрессий для подавления протестно-дезадаптивной волны, вновь поднявшейся в производственных коллективах страны.

Предвоенная редукция архаики: эволюция системы принуждения рабочих к занятости в СССР в конце 1930 – начале 1940-х гг. От декабрьских постановлений 1938 г. к июньскому указу 1940 г. В современной зарубежной историографии сталинизма принято считать, что постановления от 20 и 28 декабря 1938 г. стали поворотным моментом в возрастании силового давления диктатуры на рабочий класс⁴⁸. Этот тезис опровергается тем, что упомянутые директивы не отменяли в социально-производственной иерархии идеократического типа элементы паритетных отношений между директорами и персоналом предприятий. Так, в случае нарушения прав работника он мог подать жалобу в расценочно-конфликтную комиссию или суд⁴⁹. Исходя из данного аргумента, введение трудовых книжек и возвращение к массовым увольнениям за прогулы вряд ли можно расценивать как проявление государственного насилия. К тому же в 1939 г. произошло многократное снижение динамики преследования трудящихся со стороны органов госбезопасности. Одновременно более половины решений народных судов вновь составляли приговоры о принудительных работах, штрафах и условных наказаниях (71,2 %) ⁵⁰. То есть за финалом Большого террора последовала репрессивная релаксация длиной примерно полтора года. Она сопровождалась типичными для советского общества 1930-х гг. мерами по усилению внутреннего распорядка на заводах и фабриках в контексте применения дисциплинарного и исправительно-трудового кодексов.

⁴⁵ Справка Министерства юстиции СССР о численности осужденных в период с 1937 по первое полугодие 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/59788/garf_r-7523.89.4408_sudimost_1937-1955.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4172.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴⁸ Грегори П. Политическая экономия сталинизма... С. 139.

⁴⁹ Постановление СНК СССР от 20 декабря 1938 г. «О введении трудовых книжек» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4171.htm (дата обращения: 27.04.2024); Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б), ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4172.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁵⁰ Справка Министерства юстиции СССР о численности осужденных в период с 1937 по первое полугодие 1955 г. [Электронный ресурс]. URL: https://istmat.org/files/uploads/59788/garf_r-7523.89.4408_sudimost_1937-1955.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

Но разворот в сторону мягкого принуждения оказался лишь короткой передышкой государства и общества перед следующей чрезвычайной кампанией по борьбе за ужесточение заводской дисциплины. Падение Франции под натиском вермахта стало последней чертой, отделившей в данном случае привычный межвоенный опыт от новой экстремальной реальности. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. наиболее серьезные дисциплинарные проступки перекалифицировались из административных правонарушений в преступления, подпадавшие под юрисдикцию народных судов. За неуважительный прогул или опоздание свыше 20 минут назначались исправительно-трудовые работы без лишения свободы сроком до полугода с удержанием до 25 % заработной платы. Самовольный уход с предприятий и учреждений карался тюремным заключением от двух до четырех месяцев. Их руководители имели право освободить от служебных обязанностей пенсионеров, инвалидов, абитуриентов вузов и техникумов. В остальных случаях они несли судебную ответственность за непринятие мер по наказанию или трудоустройству дезорганизаторов производства⁵¹. В июле-августе 1940 г. вступивший в силу закон был дополнен указами по противодействию выпуску некачественной продукции, мелкому воровству и хулиганству в промышленности⁵². Рабочие, совершившие эти преступления, также подлежали передаче из области дисциплинарного судопроизводства в народные суды. Введенное трудовое законодательство со значительными изменениями продолжало действовать вплоть до середины 1950-х гг.

Сущность указа от 26 июня 1940 г. в зеркале национальной и глобальной истории.

Предвоенный поворот высшего руководства страны к использованию сравнительно жестких санкций против виновников служебных девиаций существенно отличался от схожих явлений конца 1910–1930-х гг. В рассматриваемой ситуации можно говорить о возврате к абсолютно-иерархическим отношениям индустриальных менеджеров и рабочих в связи с включением в трудовое законодательство уголовно-правовых норм. По сравнению с репрессивными кампаниями периодов Великого перелома и Большого террора власть сделала акцент на рационально-юридические критерии реализации государственного насилия. 1 июля 1940 г. передовица газеты «Правда», отмечая презрение сознательных тружеников к летунам и прогульщикам, призывала «Не либеральничать с дезорганизаторами производства!». Однако угроза наказания анонсировалась уже не столько в адрес врагов народа, вредителей и контрреволюционеров, сколько лояльных к власти, но недисциплинированных советских граждан. С учетом этой тенденции можно согласиться с выводом сибирского историка С.А. Папкова о переносе центра тяжести карательной политики с органов госбезопасности в сферу гражданской юстиции. Вместе с тем в 1920–1930-е гг. основным объектом уголовного преследования со стороны районных судебных инстанций являлись хулиганы, воры и халатные работники. Теперь же под их санкциями оказались преимущественно обычные нарушители правил найма, ранее находившиеся в компетенции товарищеских судов. В этом контексте точка зрения уральского исследователя Ю.Г. Белоногова о криминализации прогулов и самовольных уходов с предприятий как законодательной новации является вполне правомерной.

Последний аспект в некотором смысле приближает указ от 26 июня 1940 г. к декретам СНК РСФСР периода «военного коммунизма». Например, в обоих случаях несанкционированная мобильность рабочей силы нормативно воспринималась как уголовно наказуемое

⁵¹ Указ Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4252.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁵² Указ ПВС СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4259.htm (дата обращения: 01.02.2022); Указ ПВС СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и за хулиганство» // Библиотека нормативно-правовых актов СССР [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4269.htm (дата обращения: 01.02.2022).

преступление в рамках действовавших законов о труде. Но во время Гражданской войны функционировало чрезвычайное трудовое право, согласно которому бегство с завода приравнивалось к дезертирству с фронта. На производственные коллективы фактически проецировались нормы армейской дисциплины и трибунальной юрисдикции. Ничего подобного в СССР, вступившего во Вторую мировую войну 17 сентября 1939 г., не происходило вплоть до вооруженного нападения Германии. Напротив, эксперименты с переводом персонала отдельных оборонных предприятий на военизированное положение закончились ничем. Этот отрицательный результат вынудил И.В. Сталина пойти по пути нормативно-правового закрепления в индустрии вольнонаемных рабочих и служащих. С началом Великой Отечественной войны труженики ведущих отраслей экономики получили мобилизационный статус, предполагавший их подсудность не только народным судам, но и трибуналам. Именно тогда указ от 26 июня 1940 г. превратился в один из элементов милитаризированной системы социально-трудовых отношений, объективно сравнимой с аналогичными явлениями 1919–1922 гг. Указанный режим действовал в промышленности до полной отмены законодательства военного времени в мае 1948 г. и ее возвращения к гражданским формам занятости.

В то же время период с середины 1940 до середины 1941 г. следует понимать в качестве исходного редуцированного перехода к практикам принудительного исполнения договоров о найме на постоянной основе. Этот факт напоминает об исторически предшествовавшей большевикам традиции юридической криминализации самовольных уходов с одного места работы на другое в Российской империи и странах Западной Европы. Совпадение в одной хронологической точке внутреннего социального кризиса и возрастания внешнеполитических угроз привело к возрождению и усилению рудиментов дореволюционного прошлого, уже хорошо забытого в стране победившего социализма. Тем не менее откат советского государства к архаичным для первой половины XX в. институтам уголовно-правового контроля над рабочим классом имел не только общие, но и специфические признаки, качественно отличавшие его от типологически схожих феноменов старого мира.

Следует остановиться на ключевых моментах, позволяющих понять, как различались одни и те же механизмы внеэкономического принуждения в разных странах в разные эпохи. На Западе и в России периода Нового времени данный способ стимулирования труда использовался благодаря господству законодательно закрепленной сословной иерархии хозяев и слуг. В предвоенном СССР иерархические отношения индустриальных менеджеров и работников также приобрели законченную юридическую форму, но не предполагавшую восстановление традиционных сословий. Указанная специфика Страны Советов заставляет усомниться в наличии здесь очевидных исторических параллелей со статусом крепостных рабочих на мануфактурах Петра I, о которых писали российский историк О.В. Хлевнюк и его американский коллега Р. Дэвис со ссылками на западную историографию. «Второе крепостничество» большевиков распространялось на каждого трудящегося в отдельности, не затрагивая его семью и потомков. После отбывания наказания советский труженик, совершивший самовольный уход с предприятия, в отличие от крепостного, мог сделать самостоятельный выбор в пользу другого работодателя. Эти обстоятельства в некотором смысле сближали правовое положение сталинских рабочих и служащих после 26 июня 1940 г. с наемными слугами Британской империи 1820 – середины 1870-х гг., чья сословная привязка к хозяину носила индивидуальный и условный характер. С той разницей, что пролетарии Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Южной Африки второй и третьей четверти XIX в. принуждались к выполнению срочных, а не постоянных трудовых контрактов.

Наиболее разительные контрасты между западным и отечественным вариантами раннеиндустриального общества, еще полностью не расставшегося с пережитками традиционализма, дает сравнительный анализ правоприменительных практик репрессивного трудового законодательства. Косвенные расчеты на основе британских данных 1858–1875 гг. показывают, что за нарушение правил найма под судом оказались примерно 170 тыс. работников (по 10 тыс. в год). К тюремному заключению или телесным наказаниям приговорены

17 тыс. (10 %), штрафам – 34 тыс. (20), другим сравнительно мягким санкциям (моральное порицание и т.п.) – 119 тыс. (70 %) ⁵³. Советская статистика отражает многократно более жестокие реалии судебной-дисциплинарной политики, проводившейся с настоящим большевистским размахом. Например, только с середины 1940 до середины 1941 г. за прогулы и самовольные уходы с предприятий в СССР было осуждено 3 122,3 тыс. рабочих и служащих ⁵⁴. По сведениям за второе полугодие 1940 г. число приговоров об исправительно-трудовых работах и штрафах составляло 1 769,7 тыс. (83,1 %), лишение свободы от двух до четырех месяцев – 321,6 тыс. (16,9 %) ⁵⁵. За годичный период масштабы криминализации отклонений от трудовых договоров в Советском Союзе накануне Великой Отечественной войны превосходили абсолютные показатели викторианской Великобритании в 312 раз ⁵⁶. Гигантский разрыв в численности подсудного контингента в пользу Страны Советов обуславливался в первую очередь прямой зависимостью судей от партийно-государственного аппарата, немислимой для британской истории.

Наиболее детально эти колоссальные различия видны при рассмотрении искомой проблематики на уровне региональных промышленных центров англосаксонского Запада и СССР. Так, в 1830-е – первой половине 1840-х гг. в канадском Монреале органы юстиции зафиксировали 298 случаев нарушения контракта со стороны слуг, в том числе полицейские суды – 89, суды еженедельных сессий – 133, суды квартальных сессий – 76. По сведениям полицейских судов за 1838–1842 гг., из 89 чел. аресту подверглись 53 или 59,5 %. Доля арестантов, урегулировавших споры с работодателями, достигла 35,8 %, взятых под стражу до судебного заседания (с последующим освобождением по просьбе хозяев) – 32,1, возвращенных на работу – 15,1, заключенных в тюрьму – 11,3, уволенных – 5,7, освобожденных от уголовного наказания – 3,8 %. По данным судов еженедельных сессий за 1832–1835 и 1838–1843 гг., из 133 чел. обвинительные приговоры получили 83 или 62,4 %. Удельный вес лиц, осужденных к штрафам, равнялся 47 %, возвращению на работу – 42,2, лишению свободы – 16,9, другим наказаниям – 6,0 % ⁵⁷. В абсолютных показателях численность работников, подвергнутых штрафным и тюремным санкциям, измерялась примерно шестью десятками человек. К этой цифре следует добавить 91 служащего, отправленного в монреальскую тюрьму за неисполнение служебных обязанностей. В целом за многие годы контингент правонарушителей составил 461 чел. ⁵⁸, из которых судебные репрессии затронули не более полутора сотен человек или 32,5 %.

Совсем другое положение складывалось в провинциальных городах СССР в начальный период Второй мировой войны. Например, с 27 июня по 10 сентября 1940 г. районные народные суды Новосибирска рассмотрели 7 423 дела о прогулах и самовольных уходах с предприятий. Из общего количества подсудимых обвинительные приговоры получили 7 024 чел. или 94,6 %, оправдательные – 399 чел. или 5,4 %. Доля рабочих и служащих, осужденных к принудительным работам и штрафам, составляла 76,8 %, в том числе до трех месяцев – 20,2, от трех до шести месяцев – 56,4 %. Процент трудящихся, заключенных в тюрьму на срок от двух до четырех месяцев, достиг 23,2 % ⁵⁹. Очевидно, что приведенная статистика по крупнейшему сибирскому городу технически несопоставима со схожими

⁵³ Подсчитано по: *Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement...* P. 48–49.

⁵⁴ В 1940–1956 гг. за прогулы и самовольные уходы с предприятий СССР было осуждено 14 643 тыс. рабочих и служащих, в том числе к исправительно-трудовым работам и штрафам – 11 290 тыс. (77,1 %), тюремному заключению – 3 353 тыс. (22,9 %) (История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. М., 2004. Т. 1. С. 623).

⁵⁵ *Папков С.А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940–1945) // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 76.*

⁵⁶ В 1940–1956 гг. в СССР численность рабочих и служащих, приговоренных к штрафам или тюрьме за трудовые преступления (14,6 млн), превышала британский уровень 1858–1875 гг. (51 тыс.) в 287 раз.

⁵⁷ *Pilarczyk I.C. The Law of Servants and the Servants of Law: Enforcing Masters Right in Montreal, 1830–1845 // McGill Law Journal. 2001. Vol. 46. P. 834–835.*

⁵⁸ *Pilarczyk I.C. The Law of Servants and the Servants of Law...* P. 790.

⁵⁹ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-22. Оп. 3. Д. 896. Л. 55.

канадскими данными XIX в. Но даже условное сравнение этих локальных примеров показывает огромную разницу в интенсивности применения репрессивных трудовых законов.

Специфика силового давления на рабочий класс в совершенно разных конкретно-исторических условиях характеризовалась не только огромными диспропорциональными объемами, но и особенностями функционирования системы судебных наказаний. В Великобритании и Канаде основную массу осужденного заводского персонала составляли лица, самовольно ушедшие от работодателя, в СССР – прогульщики и опоздавшие на смену более чем на 20 минут. Британские и канадские суды стремились в основном морально или под угрозой тюрьмы принудить недобросовестного работника вернуться к прежнему хозяину, советские – перевоспитать его исправительным трудом и вычетами из зарплаты. Специфическая строгость викторианской фемиды проявлялась в использовании телесных санкций и тюремного заключения за неуплату штрафов, ведущего к росту численности и удельного веса репрессированных пролетариев. Особая суровость сталинской юстиции заключалась в применении принудительных работ и материальных взысканий к виновникам прогулов и длительных опозданий, а также лишения свободы львиной доли арестованных по делам о самовольных уходах с производства. Примечательно, что удельный вес таковых среди всех подсудимых по указу от 26 июня 1940 г. (16–17 %) примерно совпадал с зафиксированным процентным максимумом английских трудящихся, приговоренных к тюрьме или порке в конце 1850-х гг. (17 %). В абсолютных же показателях обе категории наиболее жестоко наказанных нарушителей правил найма различались в сотни раз. Даже с поправкой на чрезвычайные обстоятельства предвоенная отечественная модель принуждения к исполнению контрактов на постоянной основе на практике выходила далеко за рамки типологически схожих образцов репрессивной культуры Запада эпохи революционной индустриализации XIX в.

Заключительные положения. В заключение следует отметить, что ответ на дискуссионный вопрос об эндогенной или экзогенной природе поворота к принуждению в СССР 26 июня 1940 г. является неоднозначным. Оценка формально-юридической стороны данного феномена не оставляет сомнений в его принадлежности к глобальному историческому контексту. Внедрение уголовно-правовых норм в трудовое законодательство, начавшееся в позднесредневековой Западной Европе, к середине XIX в. приобрело всемирное значение, по крайней мере в границах англосаксонской цивилизации. В этом смысле Российская империя конца XIX – начала XX в. выступала органичной частью процессов планетарного масштаба, связанных с господством и необратимым кризисом иерархии хозяев и слуг в условиях зарождавшегося индустриального общества. Революция 1917 г. вслед за тенденциями вестернизированного модерна радикально покончила с пережитками архаичного социального порядка. Вместе с тем новая иерархическая структура советских менеджеров и работников с идеократической спецификой широко применяла не только административные, но и судебные санкции против нарушителей производственной дисциплины. За исключением чрезвычайного периода 1919–1922 гг., массовые и порой незаконные репрессии против рабочего класса осуществлялись в русле уголовного и исправительно-трудоустройства, что было нехарактерно для российского дореволюционного и зарубежного опыта. Но накануне Великой Отечественной войны высшее руководство СССР совершило разворот в сторону возрождения системы принуждения к выполнению гражданских договоров о найме, нетипичной для раннесоветского периода. В частности, ключевое сходство с ее британским вариантом XIX в. заключалось в криминализации несанкционированной мобильности вольнонаемного персонала с предприятий. В отличие от капиталистической России до 1917 г., указанный способ дисциплинирования рабочих в предвоенном сталинском государстве, как и на раннеиндустриальном Западе, опирался на реально действующий правовой функционал. В обеих ситуациях государственное насилие над формирующимися индустриальными группами населения носило легитимный характер, поскольку людей судили и наказывали лишь при наличии состава служебного преступления.

В то же время рассматриваемое явление характеризовалось национальными особенностями, присущими СССР начального периода Второй мировой войны. Во-первых, специфические тенденции проявлялись в том, что советские труженики принуждались к исполнению контрактов на постоянной основе. Во-вторых, в «пролетарском» государстве происходило расширительное применение уголовно-правового подхода, распространявшегося на три категории дисциплинарных нарушений (опоздания, прогулы, самовольные уходы). Это обстоятельство позволяет сделать вывод о более высоком уровне криминализации трудовых преступлений, чем во времена действия законов о хозяине и слуге. В-третьих, масштабы и характер правоприменительных практик указа от 26 июня 1940 г. были совершенно беспрецедентны для предшествующей мировой истории судебно-репрессивного принуждения наемных работников к занятости в промышленности, в том числе на уровне региональных индустриальных центров СССР. В данном случае кардинальные отличия страны победившего социализма определялись уникальными внутривосточными, социально-экономическими и геополитическими факторами ее развития на рубеже 1930–1940-х гг.

Таким образом, предвоенный законодательный акт об укреплении правопорядка на советском производстве по существу выступал своего рода «реминисценцией» сравнительно архаичной модели трудовых отношений, уходившей глубокими корнями в доиндустриальные реалии традиционного общества. Несомненно, что в эпоху Новейшего времени судебная ответственность за прогулы и самовольные уходы с места работы с точки зрения глобальной истории уже стала очевидным социальным атавизмом. Но в контексте национально-исторического развития России первой половины XX в. уголовно-правовой механизм стимулирования занятости пережил второе рождение и приобрел поистине взрывную динамику, типичную лишь для сталинской версии раннеиндустриальной модернизации. Поэтому проблема его происхождения не имеет однозначного решения, так как в исследованном кейсе внеэкономического принуждения присутствовали оба компонента – внешний (глобальный) и внутренний (локальный). В целом на основании вышеизложенных выводов заявленную исследовательскую гипотезу можно считать объективно доказанной.

Литература

Андрюшин Е.А. Из истории трудового законодательства СССР и политики советского правительства в области трудовых ресурсов. М.: Новый Хронограф, 2012. 455 с.

Арсентьев В.М. Принудительный труд в промышленности Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // Экономическая история. 2021. Т. 17, № 1. С. 9–21.

Белоногов Ю.Г. Государство versus плохой труд: укрепление трудовой дисциплины в индустриальном секторе советской экономики, 1928–1941 гг. (историко-правовой анализ). Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2023. 280 с.

Борисова Л.В. Трудовые отношения в советской России (1918–1924 гг.). М.: Собрание, 2006. 286 с.

Галай Ю.Г. Законодательство о прекращении нищенства и бродяжничества в России XVII–XVIII веках // Марийский юридический вестник. 2011. № 8. С. 44–60.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М.: РОССПЭН, 2008. 398 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 1: Массовые репрессии в СССР / отв. ред. Н. Верт, С.В. Мироненко М.: РОССПЭН, 2004. 726 с.

Кожурин В.С. Ведущая роль рабочего класса в укреплении трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны // Развитие революционных и трудовых традиций рабочего класса СССР. М., 1985. С. 74–96.

Конрад С. Что такое глобальная история? М.: Новое литературное обозрение, 2018. 312 с.

Краг М. Советские законы о труде в период Второй мировой войны (на примере предприятий военной промышленности) // Советский тыл 1941–1945 гг.: повседневная жизнь в годы войны. М.: РОССПЭН, 2019. С. 69–88.

Мионов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту»: трудовая этика российских рабочих в пореформенное время // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М.: РОССПЭН, 1999. С. 243–285.

Митрофанов В.П. Преступления в тюдоровской Англии (по данным современника) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2020. № 4. С. 3–16.

Папков С.А. Карательное правосудие в СССР в годы Второй мировой войны (1940–1945) // Вопросы истории. 2011. № 12. С. 72–80.

Папков С.А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН, 2012. 440 с.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.

Сомов В.А. Потому что была война... Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, 2008. 234 с.

Тульчинский Г.Л. Революция менеджеров по-советски // Публичная политика-2013: сб. статей. СПб.: Норма, 2014. С. 145–149.

Фадж Д., Такер Э., Воско Д. (2002). Правовая концепция занятости: маргинализация работников [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20060101224431/http://www.lcc.gc.ca/research_project/02_concept_1-en.asp (дата обращения: 01.02.2022).

Хлевнюк О.В. Указ от 26 июня 1940 г.: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 86–96.

Хлевнюк О.В., Дэвис Р.У. Развернутое наступление социализма по всему фронту // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1997. Т. 1. С. 120–172.

Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб.: Алетейя, 2005. 215 с.

Яковенко И.Г. Россия и репрессия: репрессивная компонента отечественной культуры. М.: Новый хронограф, 2011. 336 с.

Pilarczyk I.C. The Law of Servants and the Servants of Law: Enforcing Masters Right in Monreal, 1830–1845 // McGill Law Journal. 2001. Vol. 46. P. 779–836.

Suresh N., Yuchtman N. Coercive Contract Enforcement: Law and the Labor Market in Nineteenth Century Industrial Britain // American Economic Review. Vol. 103, No. 1. P. 44–107.

Van der Linden M. Workers of the World: Essays toward a Global Labor History. Leiden: Brill, 2010.

References

Andryushin, E.A. (2012). *Iz istorii trudovogo zakonodatel'stva SSSR i politiki sovetskogo pravitel'stva v oblasti trudovykh resursov* [From the History of the Labor Legislation of the USSR and the Policy of the Soviet Government in the Field of Labor Resources]. Moscow, Novyy Khronograf. 455 p.

Arsent'ev, V.M. (2021). Prinuditel'nyy trud v promyshlennosti Srednego Povolzh'ya v pervoy polovine XIX v. [Forced Labor in the Industry of the Middle Volga Region in the First Half of the 19th Century]. In *Ekonomicheskaya istoriya*. Vol. 17, No. 1, pp. 9–21.

Belonogov, Yu.G. (2023). *Gosudarstvo versus plokhoy trud: ukreplenie trudovoy distsipliny v industrial'nom sektore sovetskoy ekonomiki, 1928–1941 gg. (istoriko-pravovoy analiz)* [The State Versus Bad Work: Strengthening Labor Discipline in the Industrial Sector of the Soviet Economy, 1928–1941 (Historical and Legal Analysis)]. Perm', Izdatel'stvo Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. 280 p.

Borisova, L.V. (2006). *Trudovye otnosheniya v sovetskoy Rossii (1918–1924 gg.)* [Labor Relations in Soviet Russia (1918–1924)]. Moscow, Sobranie. 286 p.

Fadzh, D., Taker, E., Vosko, D. (2002). *Pravovaya kontseptsiya zanyatosti: marginalizatsiya rabotnikov* [The Legal Concept of Employment: The Marginalization of Workers]. Available at: URL: https://web.archive.org/web/20060101224431/http://www.lcc.gc.ca/research_project/02_concept_1-en.asp (date of access 01.02.2022).

Galai, Yu.G. (2011). Zakonodatel'stvo o prekrashchenii nishchenstva i brodyazhnichestva v Rossii XVII–XVIII vekakh [Legislation on the Cessation of Begging and Vagrancy in Russia in the 17th–18th Centuries]. In *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik*. No. 8, pp. 44–60.

Gregori, P. (2008). *Politicheskaya ekonomiya stalinizma* [The Political Economy of Stalinism]. Moscow, ROSSPEN. 398 p.

Khlevnyuk, O.V. (1989). Ukaz ot 26 iyunya 1940 g.: illyuzii i real'nosti administrirovaniya [Decree of June 26, 1940: Illusions and Realities of Administration]. In *Kommunist*. No. 9, pp. 86–96.

Khlevnyuk, O.V., Devis, R.U. (1997). Razvernutoe nastuplenie sotsializma po vsemu frontu [The Full-Scale Offensive of Socialism on the Entire Front]. In *Sovetskoe obshchestvo: vznikenie, razvitie, istoricheskiy final*. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet. Vol. 1, pp. 120–172.

Konrad, S. (2018). *Chto takoe global'naya istoriya?* [What is Global History?]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 312 p.

Kozhurin, V.S. (1985). Vedushchaya rol' rabocheho klassa v ukreplenii trudovoy distsipliny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [The Leading Role of the Working Class in Strengthening Labor Discipline during the Great Patriotic War]. In *Razvitie revolyutsionnykh i trudovykh traditsiy rabocheho klassa SSSR*. Moscow, pp. 74–96.

Krag, M. (2019). Sovetskie zakony o trude v period Vtoroy mirovoy voyny (na primere predpriyatiy voennoy promyshlennosti) [Soviet Labor Laws During the Second World War (Using the Example of Military Industry Enterprises)]. In *Sovetskiy tyl 1941–1945 gg.: povsednevnyaya zhizn' v gody voyny*. Moscow, ROSSPEN, pp. 69–88.

Mironov, B.N. (1999). “Poslal Bog rabotu, da otnyal chert okhotu”: trudovaya etika rossiyskikh rabochikh v poreformennoe vremya [“God Sent Work, But the Devil Took Away the Hunt”: The Work Ethic of Russian Workers in the Post-Reform Period]. In *Sotsial'naya istoriya. Ezhegodnik*. Moscow, ROSSPEN, pp. 243–285.

Mitrofanov, V.P. (2020). Prestupleniya v tyudorovskoy Anglii (po dannym sovremennika) [Crimes in Tudor England (According to a Contemporary)]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki*. No. 4, pp. 3–16.

Papkov, S.A. (2011). Karatel'noe pravosudie v SSSR v gody Vtoroy mirovoy voyny (1940–1945) [Punitive Justice in the USSR During World War II (1940–1945)]. In *Voprosy istorii*. No. 12, pp. 72–80.

Papkov, S.A. (2012). *Obyknovennyy terror. Politika stalinizma v Sibiri* [Ordinary Terror. The Politics of Stalinism in Siberia]. Moscow, ROSSPEN. 440 p.

Pilarczyk, I.C. (2001). The Law of Servants and the Servants of Law: Enforcing Masters Right in Monreal, 1830–1845. In *McGill Law Journal*. Vol. 46, pp. 779–836.

Shtokmar, V.V. (2005). *Istoriya Anglii v srednie veka* [The History of England in the Middle Ages]. St. Peterburg, Aleteiya. 215 p.

Sokolov, A.K. (2004). Prinuzhdenie k trudu v sovetskoy promyshlennosti i ego krizis (konets 1930-kh – seredina 1950-kh gg.) [Forced Labor in Soviet Industry and Its Crisis (Late 1930s–mid-1950s)]. In *Ekonomicheskaya istoriya: Ezhegodnik*. Moscow, ROSSPEN, pp. 74–99.

Somov, V.A. (2008). *Potomu chto byla voyna... Vneekonomicheskie faktory trudovoy motivatsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945)* [Because There Was a War... Non-Economic Factors of Labor Motivation during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Nizhniy Novgorod, Izdatel'stvo Volgo-Vyatskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby. 234 p.

Suresh, N., Yukhtman, N. (2013). Contract Enforcement: Law and the Labour Market in Nineteenth-Century Industrial Britain. In *American Economic Review*. Vol. 103, No. 1, pp. 107–144.

Tul'chinskiy, G.L. (2014). *Revolyutsiya menedzherov po-sovetski* [The Revolution of Soviet-Style Managers]. In *Publichnaya politika-2013*. St. Petersburg, Norma, pp. 145–149.

Van der Linden, M. (2010). *Workers of the World: Essays toward a Global Labor History*. Leiden, Brill.

Vert, N., Mironenko, S.V. (2004). *Istoriya stalinskogo GULAGa. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov* [History of Stalin's Gulag. Late 1920s – First Half of the 1950s]. *Sobranie dokumentov v 7 tomakh. Vol. 1*. Moscow, ROSSPEN. 726 p.

Yakovenko, I.G. (2011). *Rossiya i repressiya: repressivnaya komponenta otechestvennoy kul'tury* [Russia and Repression: The Repressive Component of Russian Culture]. Moscow, Novyy khronograf. 336 p.